

Боря Динков, а короче — Боб, придрался к какой-то мелочи и вызвал меня на дуэль. Я без содрогания поднял брошенную к моим ногам белую перчатку от нашего парадного облачения. Моим секундантом охотно согласился выступить, конечно, самый близкий друг Джим Костян, а у Боба — Юрка Винокуров, мною прозванный Эмангом.

Старинный парк Казанского суворовского училища. Жаркий день — конец мая или начало июня 1948 года. Листва на липах и вязах распустилась, солнце сияло. И чертовски хотелось жить!.. Когда мы шли к назначенному месту дуэли, за нами следовала большая толпа любопытных. А я был погружён в невесёлые размышления: ведь я даже не написал завещания. И к тому же не состоялась безответная, трагическая любовь к моей Татьяне... Татьяне Осиповой, кудрявой красавице с капризными губками и каре-зелёными глазами, из

пятнадцатой женской школы. За один её поцелуй я бы, не задумываясь, отдал свою никчёмную жизнь...

Мы спустились в овраг. В начале его в то время находился летний душ для личного состава, а в конце — почти на выходе к улице Подлужная — открытый тир.

Условия дуэли были оговорены секундантами заранее: стреляться на расстоянии десяти шагов до первой крови.

Зрители расположились по краям оврага. Секунданты зарядили и проверили оружие.

Я испытывал странное спокойствие. Не всё ли равно, думал я, жить или умереть? Кому я нужен? *«Забудет мир меня»*. У любимой мною Татьяны поклонников было пруд пруди. И если я паду, стрелой пронзённый, она, конечно, не придёт *«пролить слезу наг ранней урной»*... Люди и природа равнодушны ко мне. Вот только мать...

— К барьеру! — скомандовал секундант Джим, подавая мне заряженный самопал системы *«Смак»*.

Его мы смастерили из стальной трубки, прикрученной медной проволокой к ложу из сучка вяза, по форме похожего на дуэльный пистолет.

Я встал к роковой черте с гордо вскинутой головой. Боб занял позицию в десяти шагах передо мной прямо, не прикрывая грудь своим *«товарищем маузером»*. Он просто заткнул его за ремень и, начитавшись Лермонтова в бессонную ночь перед дуэлью, изображал из себя Печорина: доставал из снятой с головы фуражки вишни, обсасывал их и плевался косточками в мою сторону. Вишни в нашем парке вообще не росли, и Боба вполне устроили зелёные ягоды бузины.

«Может, выстрелить в воздух, как Лермонтов? — подумал я. Но тут же подавил в себе неуместное благородное намерение: — Нет, это он меня вызвал, и он должен за всё поплатиться». За что должен поплатиться Боб, я не знал. Наверное, за вызов и конкуренцию...

— Я предлагаю, — согласно правилам дуэли торжественно произнёс Джим Костян, — господам офицерам извиниться и разойтись полюбовно.

В толпе зрителей кто-то неприлично прыснул.

— Нет! — сказал я твёрдо. — Я буду стреляться.

— Я не отказываюсь от своего вызова. Стреляться! — с наглым высокомерием произнёс Боб и презрительно плюнул в мою сторону бузиной.

— Сходитесь! — скомандовал Джим.

Мы медленно двинулись друг на друга, поднимая «смаки».

Сначала я прицелился Бобу в лицо, но, представив, что оно будет изуродовано, перевёл страшный ствол в грудь боцмана. «Удар навёл — спасенья нет...» Узкий ствол его плевательницы тоже перемещался, выискивая уязвимое место в моём пока ещё живом теле.

Приостановившись у «барьера», обозначенного кривой палкой на траве, я выстрелил. Боб неестественно покачнулся, схватился за грудь и упал на колени. В толпе снова кто-то хихикнул. На лице Боба появилась мученическая улыбка.

— Нет, я буду стрелять, — прохрипел он.

Я успел прикрыть сердце своим верным «смаком». Боб выстрелил, и пуля просвистела у моего уха. А раненый Боб навзничь рухнул на траву. Кто-то громко зарыдал... Боб пролежал, раскинув руки на траве, не больше минуты, потом резво вскочил на ноги, и мы пошли друг другу навстречу, раскинув руки, обнялись, а толпа бурно возликовала.

— Слушай, Саш, а ты мне правда в грудь попал пыжом, — сказал Боб, и я почувствовал себя подлинным дуэлянтом.

Разумеется, мы не клали в свои «смаки» пули или картечь. Но дуэль прошла по дворянским правилам ритуала, и все остались довольны — и я, изображавший в одном лице и Онегина, и Печорина, и Боб, взявший на себя роль Ленского и Грушницкого, и публика, созерцавшая этот спектакль.